УДК 94(47).083

Рагимова П.Ф.

Особенности национальной политики Российской Империи в конце XIX – начале XX века

В статье анализируются особенности национальной политики Российской империи в конце XIX – начале XX в. Автор показывает, что процессы социальной и национальной мобилизации усиливали гетерогенность страны. Экспансия на Кавказ и в Среднюю Азию еще более способствовала тому, что этническое, конфессиональное, социальное и экономическое многообразие России в течение XIX в. еще более увеличилось. В то же время модернизация и индустриализация имели интегрирующее действие. В соответствии с этим и национальная политика начиная с 1860-х г г. была направлена на административную систематизацию и унификацию гетерогенного государства, а на поднимающиеся национальные движения отвечала частичным проведением культурной русификации. Этим тенденциям к национальной гомогенизации общества противостояли стойкие силы, стремившиеся и дальше к объединению империи на сословно-династических основах.

Ключевые слова: гетерогенное государство, национальная политика, унификация, конституция, автономия, законодательство, российское правительство.

Так называемый «национальный вопрос» в Российской империи всегда стоял достаточно остро: на протяжении многих лет его пытались решить царские «либеральные бюрократы», а после революции 1905 года – все значительные политические партии, в программах которых он занимал одно из центральных мест.

Несмотря на многонациональный характер России, на протяжении столетий вбиравшей в себя всё новые и новые народы, в ней и к началу XX в. сохранилось значительное преобладание русского населения – 72,5 % (для сравнения: финны составляли 6,8 % всего населения империи, примерно столько же поляки, литовцы – 4%, евреи – 3,5 %, татары – 2 %). В ещё большей степени это касалось вероисповедания: православных в России было около 84%, католиков – 5,4%, мусульман – около 3,5 %, иудаистов – 3%. Народы, проживавшие вблизи границ империи и представлявшие собой компактные, сплочённые общности со своими традициями, обычаями, культурой, языком (поляки, финны, литовцы и др.), всё в большей степени проявляли стремление создать самостоятельные государства. К концу XIX – началу XX в. проблема «окраин России» обострилась.

В 1864–1865 годах, по мнению М.Н. Каткова, Российская империя должна была существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие «племена» могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, иными словами, все, что не угрожает целостности государства. При этом должно неуклонно поддерживаться единство законодательства, системы управления, государственного языка. Главной опасностью для России, как считал Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями [1, с. 28]. Именно эта концепция в конце XIX века легла в основу национальной политики Российской империи.

В результате русско-шведской войны (1808–1809 г г.) по Фридрихсгамскому трактату Финляндия вошла в состав России в качестве Великого княжества Финляндского. В манифесте о присоединении Финляндии (1 октября 1809 г.) к России говорилось, что «финляндские губернии со своими жителя-

ми, городами, портами, крепостями, селениями… будут отныне состоять в собственности и державном обладании Империи российской» [1, с. 189]. Законодательным органом Финляндии был четырехсословный Сейм, который избирался четырьмя сословиями: дворянством, духовенством, горожанами и крестьянами. Российский император в Финляндии обладал правом конституционного монарха. Ему принадлежало право созыва Сейма, выступление с законодательной инициативой перед Сеймом, при этом без одобрения царь не мог вводить в княжестве свои законы, а также налоги. Вопросы внешней политики и обороны также находились в компетенции российского императора. В 1809 г. Финляндия получила право создания правительства. С этой целью был учрежден Правительственный совет, преобразованный в 1816 г. в Императорский финляндский совет [1, с. 130–132].

Царя в Финляндии представлял генерал-губернатор, являвшийся высшим должностным лицом, отвечавшим за порядок в крае и командовавшим расквартированными в Финляндии русскими воинскими частями. Формально генерал-губернатор считался также председателем Сената, но на практике заседания обычно вел его заместитель. Политика российского правительства в отношении Финляндии была направлена на предоставление большей автономии, чему во многом способствовала стабильная внутриполитическая ситуация в княжестве. Об этом свидетельствует факт разрешения со стороны российского правительства 1869 г. общему собранию самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством. По военной реформе 1878 года Финляндия получила право на создание собственной армии. Финны терпимо относились к политике российского правительства, так как за русскими завоеваниями не последовали ни потери имущества, ни замена вероисповедания (лютеранская вера утверждалась как официальная), ни установление крепостного права, все налоги и таможенные сборы, собранные в Финляндии, оставались в распоряжении финской администрации. Многие финские дворяне стали служить императору: около 300 из 3 тыс. финнов, находившихся на государственной службе, в период 1809–1917 г г. достигли генеральского (или равного ему гражданского) чина. В целом, по замечанию финского историка Л. Крузиуса-Аренберга, «Финляндия служила европейским фасадом России, который должен был показать общественному мнению западноевропейских стран, что вхождение в состав Российской империи есть благо» [5, с 134]. Одновременно с укреплением автономии Финляндии в России распространяются различные националистические идеологии. Официальной идеологией при Николае II в Петербурге стал консервативный национализм, признающий только православие и русскость. Постепенно отношения с Финляндией обостряются, причиной послужило распространение среди финнов идей собственной государственности. С целью предотвращения более широкого распространения идей независимости российское правительство издает Манифест 3 февраля 1899 года. Из юрисдикции финляндского Сейма были изъяты вопросы, имеющие общегосударственное значение. Затем в июле 1900 года последовал Манифест о постепенном введении русского языка в делопроизводство. Курс на ограничение автономии Великого княжества Финляндского ярко проявляется в политике генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, итогом которой стали ликвидация национальных вооруженных сил, усиление русификации администрации и школьного образования. С территории Великого княжества Финляндского были высланы оппозиционно настроенные политические деятели. Вся дальнейшая политика российского правительства была направлена на унификацию законодательства, государственной и экономической жизни Финляндии, приведение ее к единым общероссийским нормам. Об этом свидетельствует Закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» (17 июня 1910 года). Закон вызвал недовольство в Финляндии. Согласно этому закону, общеимперские законы, затрагивающие Финляндию, должны были приниматься только в российской Думе и Государственном совете, а мнение финляндского Сената и Сейма могло не учитываться. При этом перечень вопросов, относимых к общеимперскому законодательству, включал все стороны жизни Финляндии (государственный строй, охрану порядка и суд, школьное дело, зако-

нодательство о партиях и печати и т. д.) [9, с. 77]. Фактически ничего не оставалось от финской автономии. Большинство юристов и чиновников считали, что оно не имеет силы на территории Великого княжества Финляндского, так как это противоречит манифесту Александра I, в котором говорилось, что никакой, касающийся княжества «коренной» закон не мог быть издан и отменен без согласия Сейма. Его члены считали, что этот закон не имеет силы на территории Финляндии, а российское правительство, наоборот, считало закон вступившим в силу, что привело к дальнейшим противоречиям [1, с. 192].

Реализовать ряд законопроектов российскому правительству не удалось в связи с вступлением России в первую мировую войну, т. к. царское правительство должно было решать более неотложные задачи. Александр I подписал 27 ноября 1815 г. в Варшаве конституцию, по которой Царство Польское стало не одной из областей Российской империи, а отдельным государством с особым конституционным правительством и особой армией. Целью российского правительства в этом регионе было объединение, слияние его в одно политическое и экономическое целое с остальной территорией империи. Для этого необходимо было подчинить присоединенные районы общерусскому законодательству и общей системе управления. К поставленной цели российское правительство шло, учитывая местные условия. Поэтому политика правительства в этой области была довольно гибкой и осторожной. Оно делало тактические отступления, временно оставляло неприкосновенными самоуправление областей, привилегии местного дворянства, применение местного языка в администрации и суде. Этим правительство стремилось приобрести доверие местного дворянства, феодальной верхушки, склонить ее на свою сторону, используя ее поддержку, укрепить свое положение на присоединенных территориях. По конституции польским королем стал русский царь, ему же принадлежала вся исполнительная власть. Он имел право изменять бюджет королевства и на определенный период отсрочить время созыва Сейма. На момент его отсутствия в Варшаве его заменял наместник, который назначался русским царем (королем). Законодательная власть осуществлялась совместно царем (королем) и Сеймом, который созывался раз в два года на 30 дней. Сейм состоял из царя и двух палат – Сената и палаты депутатов (Посольская изба). В состав Сената входили члены королевской фамилии, высшие должностные лица и епископы, которых назначал царь. Палата депутатов (Посольская изба) состояла из 77 депутатов от дворянства и 51 депутата от других сословий и городских гмин. Делопроизводство велось на польском языке, все должности, как гражданские, так и военные, принадлежали полякам. Формально конституция 1815 г. была одной из наиболее либеральных в то время в Европе. Конституцией провозглашались гражданские свободы, большая часть которых так и осталась на бумаге. Польский язык официально был признан. Но вхождение в состав Российской империи части Польши после краткого периода существования герцогства Варшавского – самостоятельной Польши, восстановленной Наполеоном, – расценивалось как утрата государственной самостоятельности. Политическая обстановка в Царстве Польском оставалась более-менее спокойной до тех пор, пока польские власти реально обладали административной властью. Но постепенно настроения в обществе обострялись, и это вылилось в вооруженное восстание 1830–1831 годов, которое было подавлено. В Царстве Польском был установлен фактически неконституционный режим.

Подавив восстание 1830–1831 г г., Николай I отменил польскую конституцию и все конституционные гарантии 1815 г. Им было принято решение, на основе которого Царство Польское становилось одной из частей Российской империи. Управление будет осуществляться на основании особого Органического статута, обнародованного 14 (26) февраля 1832 г. Основная идея заключалась в административном слиянии Царства Польского с Российской империей. Цель статута заключалась в установлении такого порядка, который не мог привести к повторному восстанию. В нем был официально провозглашен принцип русификации края. Статут заменил конституцию 1815 г. и был достаточно либеральным, в нем были областные и государственные представительства. Государственный Совет был сохранен и находился под председательством наместника. По статуту сохранялись прежнее воеводство.

Городские власти избирались – городским собранием сохранялась несменяемость судей, в делопроизводстве – польский язык. Но реализовать статут не удалось, так как в Польше продолжалось революционное брожение, следствием чего стало введение в 1834 г. военного положения по всей Польше.

Постепенно на Царство Польское стала распространяться общероссийская система управления. 17 мая 1836 г. при Государственном совете Российской империи был учрежден Департамент дел Царства Польского в целях согласования местного законодательства с общеимперским. Он просуществовал до 1 января 1862 г. С этой же целью в 1839 г. воеводства были переименованы в губернии. В 1841 г. в Царстве Польском были введены русские деньги, в 1846 г. ведомство путей сообщений было подчинено имперской центральной власти, в 1848 г. ведены русские меры и вес, в 1850 г. уничтожены таможенные границы, введен общий таможенный тариф. В делопроизводство был введен русский язык. Таким образом, Царство Польское превратилось в отдельно управляемую провинцию Российского государства. Во второй половине XIX века обстановка в стране стабилизировалась, и в 1874 году упраздняется должность наместника в Царстве Польском. Установление общеимперской системы управления в польских губерниях, распространение там русского языка (к началу XX века сфера применения польского языка была ограничена целым рядом правительственных распоряжений) не смогли подавить стремление к национальной независимости и восстановлению польской государственности [4, с. 598]. Незадолго до Февральской революции 1917 года российское правительство стало склоняться к мысли создания там самостоятельного государства, которое будет находиться под влиянием России.

Прибалтика, состоящая из Эстляндии, Курляндии и Лифляндии, была присоединена к России в ходе Северной войны со Швецией (1700–1721) за выход к Балтийскому морю. В результате победы России по Ништадтскому мирному договору 1721 г. в состав империи вошли Эстония и северная часть Латвии – Видземе с г. Ригой. Остальная территория Латвии была разделена между соседними государствами (Пруссией и Польшей). В первой половине XIX в. три Прибалтийские губернии были объединены в единое Прибалтийское генерал-губернаторство [1, с. 171]. Возглавлявший его генерал-губернатор обладал широкими полномочиями: являлся главой местной администрации, осуществлял надзор за всеми гражданскими и военными учреждениями. В этот период в Прибалтике сохранилась в основном прежняя система дворянских сословных органов самоуправления. Органами местного управления были лантдаки, в компетенцию которых входили вопросы, касавшиеся Прибалтийских губерний: рассматривали предложения прибалтийских органов и разрабатывали представления, предназначавшиеся для передачи в государственные учреждения. Они широко использовали право предварительного обсуждения законопроектов центральных властей по проблемам, затрагивающим Прибалтийские губернии, а также возможность самостоятельно готовить аналогичные предложения. К концу XIX в. Александр III провел ряд реформ с целью ограничения привилегий прибалтийского дворянства. В 1889 году в Прибалтийских губерниях была введена российская судебная реформа [1, с. 172]. На территории Прибалтийских губерний стали функционировать общеимперские судебные учреждения. Революционные события 1905 года сподвигли правительство провести ряд реформ в прибалтийском крае. К концу сентября 1907 года (Особым совещанием при временном прибалтийском генерал-губернаторе) было принято пять проектов реформ: аграрной, земской, волостной, церковной, школьной. Но уже концу 1905 года российское правительство понимало, что реформирование края в различных сферах социальной и культурной жизни не может полностью стабилизировать обстановку. Революционное движение в Прибалтике носило национальный характер, а государственная власть отождествлялась с властью немецких помещиков и баронов. Министр внутренних дел России П.А. Столыпин начал принимать меры к усилению русского влияния в крае. Весной 1915 года российским правительством был разработан проект «О дворянстве Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губернии». По проекту вместо ландтагов были введены уездные, губернские дворянские собрания, которые контролировал губернатор. Пред-

усматривалось изъятие из ведения рыцарств управление церковными делами и образованием. Фактически предполагалось распространить на Прибалтийские губернии общероссийские нормы дворянских сословных организаций, которые привели бы к полной ликвидации политической роли прибалтийского дворянства.

В 50-е годы XIX в. Россия предприняла шаги для проникновения на территорию Средней Азии. В 60-е годы часть территории Средней Азии было присоединена к России. Из завоеванных территорий было создано Туркестанское генерал-губернаторство. В августе 1865 года было утверждено временное положение об управлении Туркестанской областью, согласно которому областью управлял генерал-губернатор через начальников отделов (флангов). В сельской местности Туркестана на низовом уровне сохранилась структура прежней местной администрации (ханской), за которой наблюдали российские чиновники. Они принимали жалобы населения и следили за их правильным рассмотрением в мусульманском суде. Судебные дела решали беки и кадии. В городах создавалось туземное городское управление, в него входили старший аксакал, подчиненные городничему и заведующие полицией в кварталах. По численности туркестанская администрация была небольшой, но ее преимуществом было то, что многие чиновники служили в этом крае длительный период, знали местные языки и обычаи. По инициативе Д.А. Милютина на территории Туркестанского военного губернаторства в уездах (для кочевого населения), в волостях (для оседлого населения) было введено выборное начало. Д.А. Милютин считал, что выборы позволят для российской администрации расширить свое влияние на низовое управление и ослабить управление мусульманского духовенства на население. В 1886 году в связи с окончательным завоеванием Средней Азии было введено новое положение об управлении Туркестаном. Авторы положения исходили из того, что край достаточно обрусел и может управлять на основе общеимперского законодательства при сохранении для коренного населения отдельных традиционных учреждений. Сокращается объем полномочий губернской администрации. Урезаны были полномочия генерал-губернатора и его канцелярии во внешнеполитических вопросах. Параллельно были сокращены военного ведомства в управлении Туркестаном. Из ведения военных министерств были изъяты суд, финансы, народное просвещение, телеграф, почта. Положением 1886 г. оседлое население в уезде разделилось на волости, а волости на сельское общество (аксакальства). Волостные правители и сельские старейшины назначались по выбору населения на три года. К концу XIX в. в Туркестане были введены выборные волостные органы для кочевого населения. Однако для кочевого и оседлого населения были сохранены народные суды, судившие на основе местных обычаев, а фактически на основе шариата. В итоге это привело к тому, что русская администрация полностью утратила контроль над деятельностью народных судов. Помимо народных судов в независимом положении от российской администрации оставалась конфессиональная мусульманская школа и мусульманское духовенство. Предоставление широких полномочий со стороны России обусловлено отдаленностью края, невозможностью установить реальный контроль. К концу XIX в. задачи изменились, началось активное экономическое освоение края. К началу XX в. увеличилась численность русского населения (вследствие столыпинского закона 9 ноября 1906 г. о разрешении выходить из общины на хутор и отруба русскому крестьянству), т. е. увеличение численности русского населения в регионах и смягчение за счет свободных земель края проблемы аграрной перенаселенности в Европейской России [5, с. 50]. Следствием Столыпинской реформы стало недовольство коренного населения края политикой российского правительства, сократившей земли коренного населения края за счет передачи ее переселенцам. В 1908 г. графом К.К. Паленом была проведена в Туркестане сенатская ревизия. Он выступал за более медленные темпы колонизации, обеспечивающие приток «сильных представителей русской народности», а не «отбросов сибирского переселения…» [1, с. 181]. К.К. Паленом было предложено усилить в крае русскую администрацию. Были предприняты шаги по реформированию системы управления. Должны были расширить права генерал-губернаторов. Готовились к преобразованию судебной системы и слия-

нию ее с общеимперской. Предлагаемая реорганизация почти не затрагивала культуру и религиозную жизнь мусульманского населения. Новое положение об управлении Туркестаном не было составлено в окончательном виде и не поступило на рассмотрение Государственного Совета и Государственной Думы. К началу первой мировой войны никаких изменений в Туркестане не произошло. Среднеазиатские окраины считались самыми спокойными в крае.

Присоединение Кавказа к России заняло достаточно долгий период времени. Кавказ являлся объектом, на который претендовала не только Россия, но и такие страны, как Турция, Иран. Конечно, Россия не могла допустить какого бы то ни было вмешательства соперничавших с ней стран в дела региона, который считала сферой своего влияния и намеревалась превратить в свою неотъемлемую часть. В отношении Кавказа после окончания русско-турецкой войны 1768 – 1774 г г. по Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила санкционированную международным правом возможность распоряжаться Центральным Кавказом. Окончательной датой присоединения Кавказа к России, растянувшегося на столетия, принято считать 1864 г.

С присоединением Грузии (1801 г.) внешняя политика России заметно активизировалась, что отразилось на административном устройстве края. В Кавказскую губернию был назначен губернатор, который подчинялся главнокомандующему, а в его отсутствие Правительствующему Сенату. Административным центром был избран Георгиевск, получивший статус губернского города. На первом этапе административного освоения Кавказа сложившаяся система институтов управления выглядела несовершенной, формально она повторяла российскую систему управления. В целом управление на Кавказе в первой четверти XIX в. основывалось на принципе отстранения большинства местных дворян от управления и усиления российской администрации. Но вскоре под влиянием военных действий, жалоб местного дворянства самодержавие вынуждено было пойти на введение некоторой самостоятельности кавказской администрации и возможности участия местного дворянства в управлении [1, с. 185]. В 1844 году на Кавказе было учреждено наместничество. Первым наместником Кавказа стал М.С. Воронцов. Наместнику подчинялись начальники округов – жандармского и путей сообщения. Каждую губернию возглавлял военный губернатор. В губерниях существовали губернские правления и губернские суды, были учреждены казенные палаты и палаты государственных имуществ. В уездах полицейскими, хозяйственными и судебными делами ведал уездный начальник. Пользуясь распоряжением Николая II, М.С. Воронцову удалось свести к минимуму влияние министерств на кавказские дела. Никакие распоряжения министров, имеющие силы для всей страны, не допускались к применению на Кавказе без предварительного согласия М.С. Воронцова. Ему удалось найти быстрое взаимопонимание с местной знатью. По инициативе М.С. Воронцова для замещения различных должностей в местных учреждениях в вузах Петербурга и Москвы стали держать особые вакансии для уроженцев Кавказа из наиболее знатных фамилий. Воспитывались они за счет казны. По инициативе М.С. Воронцова на Кавказе стали быстро развиваться торговля и промышленность, был образован особый Кавказский учебный округ и открыто 5 гимназий и 21 учебное училище, первая публичная библиотека. В Тифлисе был открыт театр [9, с. 89]. Особенно усилился аппарат наместничества при наместнике князе А.И. Барятинском. Но это продолжалось недолго. После прекращения военных действий на Кавказе начинается процесс ограничения кавказской администрации. Наместник фактически превратился в командующего войсками Кавказского военного округа, а Гражданское управление было передано Главному управлению наместника. В судебной системе российскому правительству пришлось сохранить особый суд, куда входили выборные представители горских народов. Но уже в 1864 г. на территории Кавказа были распространены судебная реформа, а также городская реформа 1870 г. Отмена крепостного права на Кавказе была проведена в 1864–1874 г г., но положение крестьян на Кавказе было хуже, чем положение крестьян внутренних губерний России. Правительство не взяло на себя ответственность за выплату выкупных ссуд помещикам. Получив личную свободу, крестьяне продолжали отбывать денежные и натуральные повинности за земли. В 1883 г. наместничество на Кавказе было упразднено, а главой

всей кавказской администрации стал главнокомандующий гражданской части на Кавказе. С упразднением наместничества происходит отрыв Кавказа от империи (в связи с революционными событиями в марте 1905 г. наместничество было вновь восстановлено). Полномочия наместника были достаточно широкими, он обладал правом решать все вопросы, которые не требуют издания законов.

Новый наместник И.И. Воронцов-Дашков понимал, что управление Кавказа из центра без учета потребностей местного населения невозможно, но центр поставил перед ним задачу: слияние кавказской окраины с империей. Поставленную перед собой задачу Воронцов-Дашков собирался решать, во-первых, за счет колонизации края, во-вторых, посредством поддержки отдельных народов, населяющих Кавказ. Второму пути Воронцов-Дашков придавал большое значение, обращая особое внимание на поддержку армян. Мнение Петербурга не совпадало с мнением Воронцова-Дашкова. Наместник и его окружение считали, что в кавказской администрации должны быть не только русские, а центр придерживался противоположного мнения. По мнению наместника, присутствие местного населения в администрации облегчало решение многих вопросов: знание условий края, бытовые условия, знание местных языков [1, с. 187]. Тем не менее, противоречия между центром и Кавказской администрацией сохранялись. В Государственную Думу поступил запрос со стороны черносотенцев 1908 г. Его обвиняли в покровительстве местному национализму, в особенности армян, но запрос не был принят. В своих докладах, адресованных царю в 1910–1913 г г., Воронцов-Дашков отмечал, что обстановка на Кавказе стабильная, и она может оставаться такой же, если не ставить лишних преград [4, с. 46]. Накануне первой Мировой войны Кавказский край состоял из двух частей: Северного Кавказа и Закавказья. Северный Кавказ в административном отношении был разделен на Терскую и Кубанскую области, а Закавказье – на 6 губерний, 3 областей и 2 округа. Губернии делились на области, а области – на отделы и округа [9, с. 107].

К началу XIX в. территория Сибири была разделена на три губернии – Тобольскую, Томскую и Якутскую и несколько областей. До конца XIX в. у центрального правительства Сибирь не вызывала особого интереса. Среди причин, приведших к возрождению правительственного интереса, были экономические и политические факторы. Именно резкое обострение аграрного вопроса Европейской России, происходившее на фоне постоянно усиливавшегося революционно-освободительного движения во главе с рабочим классом, заставило самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и предпринять ряд мер по освоению «свободных» земель. Возникла необходимость реформирования. Реформа в аграрном секторе была проведена Столыпиным, целью которой являлись ликвидация крестьянских общин и насаждение хуторских отрубных хозяйств, переселение крестьян на окраины Сибири. В ходе реформы было изъято особенно много земель у аборигенов. В целом у аборигенов было изъято около 30 % земель, находившихся в их пользовании. Со стороны российского правительства местная администрация была наделена широкими правами. Большими полномочиями были наделены крестьянские начальники. 8 июня 1898 г. был издан закон, получивший название «Временного положения о крестьянских начальниках». 8 статья закона предоставляла крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. В то же время права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. В подчинении крестьянских начальников находились должностные лица всех категорий сельского управления. Однако все эти административные преобразования были направлены в первую очередь на увеличение полицейской опеки над народами Сибири и их скорейшую русификацию. Следствием расширения полномочий крестьянских начальников стало злоупотребление властью. С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация стала часто перемещать их внутри уездов и губерний. Случаи длительного пребывания крестьянских начальников на одном месте были, как правило, исключением. Дальнейшими действиями российского правительства, направленными на русификацию края, было введение паспорта у народов

Сибири. При отлучке от постоянного места жительства аборигены были обязаны иметь паспорт. У оседлых аборигенов местом постоянного жительства считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевников – район перекочевок. Длительное пребывание в городе с торговыми и иными целями разрешалось только по паспорту. При нарушении паспортного режима предусматривалась административная высылка на семидневный срок [6, с. 96]. Таким образом, введение паспортной системы способствовало усилению полицейской опеки и русификации.

Таким образом, особенности национальной политики Российской империи на рубеже XIX-XX вв. проявлялись в следующем: процессы социальной и национальной мобилизации усиливали гетерогенность страны; экспансия на Кавказ и в Среднюю Азию еще более способствовала тому, что этническое, конфессиональное, социальное и экономическое многообразие России в течение XIX в. еще более увеличилось; модернизация и индустриализация страны имели интегрирующее действие. Поэтому национальная политика империи, начиная с 1860-х г г., была направлена на административную систематизацию и унификацию гетерогенного государства, а на поднимающиеся национальные движения отвечала частичным проведением культурной русификации. Этим тенденциям национальной гомогенизации общества противостояли стойкие силы, продолжавшие стремиться к объединению империи на сословно-династических основах.

References

1. Administrativno-territorial'noeustrojstvo-Rossii: istoriya i sovremennost' [The administrative and territorial structure of Russia: History and Modernity], Pod obshch. red. Pyzhikova A.B., ed. Ed. Reindeer-fawn A.B .]; Inst societies thought, M .: Olma-Press, 2003, 318 p. (In Russ.)

2. Isakov S.G.Ostzejskijvopros v russkojpechati 60-h godov [Ostsee question in the Russian press 60s], Uchenyezapiski Tartuskogogos. un-ta, 1961.Vol. 107. (In Russ.)

3. Dyakin V.S.Nacional'nyjvoprosvovnutrennejpolitikecarizma (nachalo XX v.) [The national question in the domestic policy of tsarism (the beginning of XX century)], Voprosyistorii, 1996, № 11–12. (In Russ.)

4. Novikov I.N.Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v imperskoj politike Rossii [Grand Duchy of Finland in the imperial policy of Russia], Imperskijstroj v regional'nomizmerenii], M, 1988–1998, p.131. (In Russ.)

5. Dameshek L. M.Vnutrennyaya politika carizma i narody Sibiri (XIX -nachalo XX veka) [Vnutrennyaya policy of tsarism and the peoples of Siberia (XIX-early XX century)], Irkutsk: Publishing Irkut. Univ, 1986, 168 p. (In Russ.)

6.Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [National outskirts of the Russian Empire. Formation and development of control systems], M., 1998, 416 p. (In Russ.)

7. Karyahyarm, T.E.Estonskaya burzhuaziya i carizm [Estonian bourgeoisie and tsarism.], Tallinn, 1993, 327 p. (In Russ.)

8. Nacional'naya politika v imperatorskoj Rossii [National policy in imperial Russia], M., 1997, 843 p. (In Russ.)

9. Amanzhalova, D.A.Kuleev, S.V.Nacional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [National Policy of Russia: history and modernity], M., 1997, 679 p. (In Russ.)

[1] (2003) Административно-территориальное устройство России: история и современность / Под общ. ред. Пыжикова А.В.; Ин-т обществ, мысли. – М.: Олма-пресс. – 318 с.

[2] Исаков С. г. (1961) Остзейский вопрос в русской печати 60-х годов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту, 1961. – Вып. 107.

[3] Дякин В.С. (1996) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12.

[4] Новикова И.Н. (1988–1998) Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй в региональном измерении. – М. – С.131

[5] Дамешек Л. М. (1986) Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX века). Иркутск: Издательство Иркут. ун-та. – 168 с.

[6] (1998) Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М. – 416 с.

[7] Карьяхярм Т.Э. (1993) Эстонская буржуазия и царизм. Таллин. – 327 с.

[8] (1997) Национальная политика в императорской России: сб. документов. – М. – 843 с.

[9] Аманжалова Д.А., Кулеев, С.В. (1997) Национальная политика России: история и современность. – М. – 679 с.